

УДК [159.947:159.96]:174

ДЕВИАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОФЕССИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

¹Майсак Н.В., ²Великанова Л.П.

¹ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет»,
Астрахань, e-mail: n-maisak@mail.ru;

²ГБОУ ВПО «Астраханская государственная медицинская академия Министерства
здравоохранения России», Астрахань, e-mail: rufam@mail.ru

В статье приводится авторская классификация девиаций в профессии, включающая личностные, поведенческо-коммуникативные и функциональные отклонения специалистов, а также маргинальные формы поведения и личностно-профессиональную деструкцию. Представлены результаты сравнительного эмпирического исследования девиаций представителей социономических профессий с деонтологическим статусом (учителей и врачей), а также специалистов несоциономических профессий. Определено, что все группы испытуемых имеют личностные предпосылки, которые в ситуации фрустрации или дистресса могут формировать деформационно-деструктивные тенденции (аутодеструктивной и внешнедеструктивной направленности) и приводить к личностно-профессиональной дезадаптации как базовому признаку девиантности. Выявленные девиативные тенденции специалистов могут являться неадекватной формой купирования личностно-профессионального стресса.

Ключевые слова: профессиональная норма, деонтологический статус, личностные, поведенческо-коммуникативные и функциональные девиации специалистов

DEVIATIVE TENDENCIES IN PROFESSION: COMPARATIVE ASPECTS

¹Maysak N.V., ²Velikanova L.P.

¹Astrakhan State University, Astrakhan, e-mail: n-maisak@mail.ru;

²Astrakhan State Medical Academy, Astrakhan, e-mail: rufam@mail.ru

The author's classification of professional deviations including personal, behaviour-communicative and functional deviations of specialists, and also marginal forms of behaviour and personal-professional destruction are presented. Results of the comparative empirical research of deviations among representatives of socioeconomic occupations with a deontological status (teachers and doctors), and also specialists of non-socioeconomic occupations are given. It is revealed all the groups of examinees have personal preconditions which may form deformational-destructive tendencies of self-destructive and out-destructive orientations and lead to the personal-professional disadaptation as a basic attribute of deviancy. Identified deviative tendency of specialists may be the inadequate form of coping personal-professional stress.

Keywords: professional norm, deontological status, personal, behavioural-communicative and functional deviations of specialists

Несоответствие поведения, деятельности и стиля общения специалиста социальным ожиданиям и требованиям профессионального сообщества, а также деформационно-деструктивные тенденции и признаки дезадаптации, ухудшающие профессиональное взаимодействие и качество выполнения профессиональных обязанностей, являются отклонением от профессиональной нормы, то есть девиацией в профессии. В этих условиях девиации выступают внешним проявлением глубинных предпосылок личности, которая отчуждается и уклоняется от социально-правовых, морально-этических и личностно-профессиональных норм как совокупности нравственно-этических, корпоративных, личностно-профессиональных стандартов поведения, деятельности и общения, разработанных для представителей той или иной профессии с учетом гармоничной нормы, сочетающей в себе адаптивность, автономность, адекватность восприятия реальности, идентичность, целостность, толеран-

ность к фрустрации, самоактуализацию и креативность.

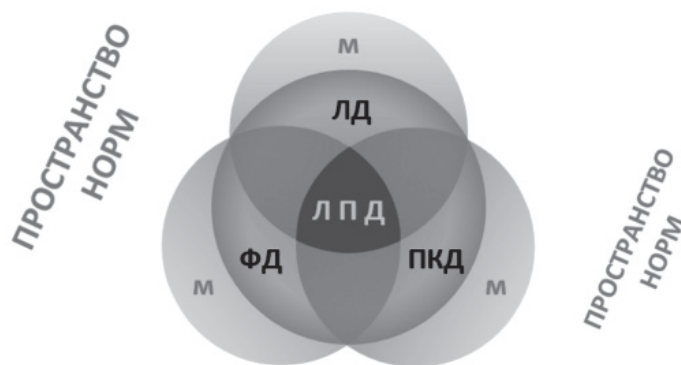
Рост девиантной активности в обществе чаще всего связан с глубоким экономическим спадом, когда девиации проникают и в сферу профессии, причем нетипичное, аномальное, дисгармоничное поведение специалиста есть процесс и результат взаимного влияния специфики труда, организационных факторов и субъектных качеств [11; 15]. Так, Е.В. Змановская девиантное поведение считает альтернативным способом адаптации отдельных индивидов и социальных групп к стрессогенному характеру жизни [2, с. 5], при этом несоответствие требований профессии личностным качествам специалиста выступает основным механизмом формирования девиантности в профессиональной деятельности.

Девиации специалистов особенно опасны в социально значимых видах труда – управлении, образовании, медицине, обеспечивающих уровень культуры и здоровье нации, социально-экономическое

благополучие населения и прогресс общества в целом [1]. Так, деонтологический статус врачей и учителей требует соответствия их деятельности и стиля общения критериям долга и справедливости, достоинства и чести: образцового профессионализма, выдержки и самообладания, доброжелательности, эмпатии, заботливого отношения к людям, конгруэнтности. Несформированность личностно-деонтологического комплекса способствует проявлениям цинизма, морально-психологической жестокости, личностной и профессиональной стагнации, утрате профессиональной

идентичности, депрофессионализации, деструкции и деградации специалиста, составляющими понятия «девиантность».

Анализ описанных в литературе девиантных проявлений специалистов [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16] позволяет дифференцировать криминальные и некриминальные их виды. В пространстве профессионально-этических норм среди некриминальных девиаций можно выделить *личностные* (ЛД), *поведенческо-коммуникативные* (ПКД) и *функциональные девиации* (ФД), к которым следует отнести и профессиональные ошибки (рисунок).

Девиации специалистов в пространстве профессионально-этических норм

К *личностным девиациям*, способствующим поведенческим отклонениям, относятся профессионально нежелательные качества (некомпетентность, аморальность, лень, прокрастинация, авторитарность, агрессия, безответственность, безынициативность и прочие), деформационно-деструктивные тенденции, патохарактерологические и психопатологические симптомы, аномалии характера, клинические формы невротических, диссоциальных и прочих личностных расстройств. К *поведенческо-коммуникативным девиациям* можно отнести аномальные способы взаимоотношений с окружающими, дисгармоничный стиль поведения и общения специалиста с субъектами профессиональной деятельности, девиативные паттерны и непродуктивное совладание, а к *функциональным девиациям* – дезадаптивный стиль профессиональной деятельности, нарушения саморегуляции деятельности на основных ее этапах (планирования, исполнения и корректировки в соответствии с целью и заданным результатом) при низкой мотивации к труду, неразвитой способности к антиципации, снижению самоконтролю и неадекватной оценке собственной деятельности. Центральная зона пересечения выделенных типов девиаций определяет *область личностно-профессиональной деструкции*

(ЛПД), обуславливающей «вырождение» профессионализма и профессионала. Область «марго» (М) включает социально нейтральные и неодобряемые формы поведения, которые выходят за рамки общепринятых норм, но часто могут оставаться «в тени» из-за неоднозначного отношения к ним социума. При этом признаки маргинальности могут служить основанием для прогноза степени девиантности специалиста.

Мы предположили, что изучение склонности к девиантным проявлениям учителей и врачей как представителей социомических профессий с деонтологическим статусом в сравнении со специалистами несоциомических профессий позволит выявить и описать содержательно-динамические характеристики и глубинные личностные тенденции испытуемых как критерии и детерминанты девиаций в профессии, что будет способствовать пониманию их природы и служить основанием для построения превентивной деятельности.

В эмпирическом исследовании девиативных личностных тенденций испытуемыми выступили 312 человек, среди которых 193 специалиста социомических профессий (типа «человек-человек»): группа «Учителя» состояла из 90 чел. (85 женщин и 5 мужчин), средний возраст которых 43,8 лет,

а средний стаж работы 22,5 лет; в группу «Врачи» вошло 103 чел. (71 жен. и 32 муж.), средний возраст составил 42,6 лет, а средний стаж – 18,9 лет. В состав контрольной группы «Другие» вошли 119 представителей несоциально-экономических профессий (94 жен. и 25 муж.), средний возраст которых – 41,3 лет, а средний стаж 18,5 лет.

Для выявления девиаций испытуемых использовались следующие психодиагностические методики: «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» (СОП) А.Н. Орла; «Висбаденский личностный опросник» Н. Пезешкиана; «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» в адаптации Н.В. Тарабриной; Проективный рисуночный тест «Деловые ситуации» (модификация Н.Г. Хитровой теста С. Розенцвейга «Фрустрация толерантности»).

В ходе математической обработки данных для выявления характера их распределения использовался статистический критерий Колмогорова–Смирнова. При нормальном их распределении для подтверждения достоверности различий использовались однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и критерий Шеффе; при аномальном распределении данных – критерий Крускалла–Уоллиса для сравнения средних значений трех групп испытуемых и критерий Манна–Уитни для попарных сравнений. Для «сворачивая» многочисленных данных (редукции) результаты были подвергнуты факторному анализу.

Анализ полученных эмпирическим путем данных позволил выявить обусловленные спецификой профессиональной деятельности достоверные различия, определяющие особенности личностного профиля специалистов.

Так, согласно *тесту СОП*, склонность к отклонениям по всем шкалам, кроме социальной желательности, ярче выражена у представителей контрольной группы. При этом у *врачей* в сравнении с учителями выше склонность к аддиктивному ($P = 0,000$), агрессивному ($P = 0,000$) и аутоагрессивному поведению ($P = 0,004$), а у *учителей* в сравнении с врачами доминируют склонности к нарушению норм и правил ($P = 0,001$) и социальной желательности ответов ($P = 0,001$), что может свидетельствовать о «приукрашивании» ответов и/или диссимуляции с целью сокрытия фактов и «затушевывания» болезненных симптомов.

Попарное сравнение средних значений по *тесту Н. Пезешкиана* позволило выявить следующие различия. В срав-

нении с контрольной группой учителей ($P = 0,011$) и врачей ($P = 0,058$) отличает усердие и трудолюбие, но сниженная мотивация достижения успеха (при $P = 0,000$), что требует дополнительных волевых усилий. Чувство справедливости достоверно ниже выражено у врачей в сравнении с учителями ($P = 0,003$) и контрольной группой ($P = 0,008$). Тенденция к трудоголизму достоверно выше у учителей по сравнению с врачами ($P = 0,022$) и представителями несоциально-экономических профессий ($P = 0,000$). Признаки психосоматических нарушений достоверно выше выражены у представителей несоциально-экономических профессий в сравнении с врачами ($P = 0,005$) и учителями ($P = 0,016$), что может свидетельствовать о разном уровне знаний специалистами технологий сбережения здоровья.

Сравнение средних значений по *шкале психопатологической симптоматики* [6, с. 147–156] позволило констатировать, что среди специалистов несоциально-экономических профессий преобладают обсессии и компульсии (различия средних с группой учителей при $P = 0,009$, а с группой врачей при $P = 0,045$), паранойяльность ($P = 0,003$ и $P = 0,000$ соответственно), глубина расстройств (индекс GSI при $P = 0,003$ и $P = 0,007$), интенсивность психопатологической симптоматики (индекс PST при $P = 0,008$ и $P = 0,000$) и наличие психосоматического дистресса (индекс PSDI при $P = 0,03$ и $P = 0,05$ соответственно). Отсутствие достоверных различий средних по этим параметрам в группах учителей и врачей позволяет говорить о сходстве тенденций среди специалистов социально-экономических профессий. При этом учителям в сравнении с врачами присуща склонность к фобиям ($P = 0,005$) и психотизму ($P = 0,004$) как проявлению внутренней напряженности, нечуткости и неадекватности эмоциональных реакций.

Особое внимание следует обратить на то, что средний показатель глубины психосоматических расстройств учителей (GSI) аналогичен данному показателю у ветеранов Афганистана, а интенсивность психопатологических состояний (PST) эквивалентна таковым у беженцев с ПТСР – посттравматическим стрессовым расстройством [6, с. 159–162]. Данные показатели у врачей соответствуют состояниям ликвидаторов в норме, а в контрольной группе – расстройством ликвидаторов и беженцев с ПТСР. Следовательно, для всех групп испытуемых актуальна работа по профилактике состояний хронического стресса и ПТСР.

Согласно данным по тесту «Деловые ситуации», у учителей менее выражены

интропунитивные реакции ($P = 0,009$ и $P = 0,000$ соответственно) в угоду экстрапунитивным ($P = 0,009$ и $P = 0,000$). К тому же, у учителей и врачей «западают» реакции с фиксацией на разрешении ситуации ($P = 0,001$ и $P = 0,007$) и преобладают самозащитные ($P = 0,017$ и $P = 0,02$). Перекалывание учителями ответственности может свидетельствовать о редукции профессиональных обязанностей и прокрастинации (откладывании дел «на завтра»). При этом сниженная склонность врачей к переживанию препятствий в ситуациях фрустрации может быть связана с недостатком эмпатии – защитной реакцией выгорающей личности. В контрольной группе доминирует тенденция к конструктивному разрешению проблемных ситуаций в деловой сфере, признания вины и поиска смягчающих обстоятельств.

Таким образом, на манифестном уровне испытуемым учителям и врачам присущи деформационно-деструктивные тенденции, среди которых экстрапунитивность как проявление интолерантных реакций на фрустрацию и непродуктивный копинг, связанный с обвинительным уклоном и повышенной агрессивностью, что не соответствует деонтологическому статусу. К тому же, снижение фрустрационной толерантности как неустойчивое состояние психики вследствие дистресса свидетельствует о признаках эмоционального сгорания и личностно-профессиональной дезадаптации. Амбивалентная тенденция учителей к фиксации на переживании ситуаций препятствия (как непродуктивный эмоциональный копинг) и/или к отрицанию трудностей фрустрационных ситуаций, которые могут не замечаться и не осознаваться (подавляться и вытесняться), может говорить о психической напряженности и деперсонализации как симптоме выгорания, когда человек в результате внутриличностного конфликта утрачивает способность к выражению эмоций: радости, печали, раскаяния и прочих.

В ситуациях фрустрации *специалисты несоциально-экономических профессий* при наименьшей социальной желательности ответов достоверно чаще склонны проявлять реакции разрешающего типа и выражать сожаление, что послужили причиной возникших в деловой сфере трудностей. Возможно, что сниженный волевой контроль при перегрузках в профессиональной деятельности способствуют проявлениям у них психопатологической симптоматики: межличностной напряженности, тревожности, фобий, психотизма, депрессивных и навязчивых состояний, паранойальности

(подозрительности и обидчивости) и симптоматического дистресса.

Далее многочисленные данные были подвергнуты процедуре факторизации, что позволило исследовать глубинные структуры психики, ответственные за регуляцию поведения испытуемых. Выявленные факторы были названы в зависимости от выраженности входящих в его состав компонентов.

Анализ глубинных (ненаблюдаемых) факторов позволяет отметить, что всем трем группам испытуемых присущ широкий спектр форм девятивных тенденций различной степени выраженности, при этом общими являются личностно-профессиональная дезадаптация на фоне дистресса, а также склонность к девиациям при дефиците волевого контроля и низкой мотивации.

Среди учителей и врачей наиболее весомым является первый фактор, свидетельствующий о личностно-профессиональной дезадаптации. Самыми весомыми его компонентами являются: три индекса дистресса, отражающие масштаб, глубину личностных нарушений и интенсивность психосоматической, клинической и невротической симптоматики; а также психотизм, выраженность которого может свидетельствовать как об оригинальности и богатстве воображения, так и о слабости Эго внутренне напряженной личности, склонной к проявлению нечуткости, неадекватности эмоциональных реакций, ригидности поведения, безответственности и асоциальности.

В контрольной группе мощно выраженным является фактор «Сверхконформизм». Он характеризуется экстернальным локусом контроля, неверием в собственные силы и субъективным состоянием пассивного страдания в процессе приспособления к изменяющимся социальным реалиям, отсутствием динамизма, стагнацией, потребностью в социальной помощи и поддержке при низкой способности к изменениям и противодействию ударам судьбы [5].

Следует обратить внимание, что стоящие на грани с компульсиями трудоголизм («бегство в работу») и гиперобщительность («бегство в контакты») могут выступать формами гиперкомпенсаторного поведения учителей и врачей и ухода от реальности вследствие возможных невротических расстройств [4]. Компульсивной тенденцией учителей и врачей может являться также утрированный педантизм (излишний формализм, одержимость и дотошность в работе), который у учителей к тому же «спаян» с ригидностью, фанатизмом и перфекционизмом.

Результаты факторизации независимых личностных переменных

Факторы	Группа № 1 – Учителя	Группа № 2 – Врачи	Группа № 3 – Другие
		Варимакс-вращение сошлось за 16 итераций	Варимакс-вращение сошлось за 22 итерации
	Процент объясненной дисперсии – 75,8%	Процент объясненной дисперсии – 74,94%	Процент объясненной дисперсии – 79,74%
1	Вес – 17,35%. Биполярный «Личностно-профессиональная дезадаптация на фоне дистресса»	Вес – 15,82%. Монополярный « <i>Личностно-профессиональная дезадаптация с тенденцией к компенсации дистресса</i> »	Вес – 40,13% . Монополярный « <i>Сверхконформизм</i> »
2	Вес – 7,8%. Биполярный «Склонность к девиациям при дефиците волевого контроля»	Вес – 6,9%. Биполярный « <i>Склонность к девиациям при низкой мотивации</i> »	Вес – 16,27%. Монополярный «Личностно-профессиональная дезадаптация на фоне дистресса»
3	Вес – 5,63%. Биполярный « <i>Экстрапунитивность</i> »	Вес – 5,84%. Биполярный « <i>Упорство в разрешении ситуаций фрустрации</i> »	Вес – 8,02%. Биполярный « <i>Склонность к девиациям при дефиците волевого контроля</i> »
4	Вес – 5,32%. Монополярный «Трудоголизм»	Вес – 5,38%. Биполярный « <i>Стремление к сотрудничеству</i> »	Вес – 5,10%. Биполярный «Упорство в разрешении ситуаций фрустрации»
5	Вес – 4,89%. Монополярный «Эмпатия»	Вес – 5,16%. Монополярный «Конформизм»	Вес – 3,09%. Биполярный «Фиксация на препятственно-доминантных реакциях»
6	Вес – 4,87%. Монополярный «Утрированный педантизм»	Вес – 4,78%. Монополярный «Утрированный педантизм»	Вес – 2,73%. Биполярный «Импунитивность»
7	Вес – 4,19%. Монополярный «Гиперобщительность»	Вес – 4,53%. Монополярный «Толерантность»	Вес – 2,40%. Биполярный «Направленность на преодоление деструктивных тенденций»
8	Вес – 3,22%. Биполярный « <i>Фиксация на препятственно-доминантных реакциях</i> »	Вес – 4,16%. Биполярный «Пренебрежение нормами на фоне пессимизма»	Вес – 2,0%. Биполярный «Отрицание симптомов дистресса»
9	Вес – 3,20%. Монополярный « <i>Перфекционизм</i> »	Вес – 3,86%. Монополярный « <i>Поиск социальной поддержки</i> »	Не выявлен
10	Вес – 2,93%. Монополярный «Ригидность»	Вес – 3,52%. Биполярный « <i>Аутодеструктивные тенденции</i> »	
11	Вес – 2,92%. Биполярный «Переживание чувства вины из-за необязательности в работе»	Вес – 3,39%. Биполярный «Фиксация на препятственно-доминантных реакциях»	
12	Вес – 2,91%. Монополярный «Снижение критичности»	Вес – 3,12%. Монополярный « <i>Трудоголизм</i> »	
13	Вес – 2,83%. Биполярный «Циклоидность»	Вес – 3,01%. Монополярный «Гиперобщительность»	
14	Вес – 2,75%. Монополярный « <i>Фанатизм</i> »	Вес – 2,92%. Биполярный « <i>Духовность</i> »	
15	Вес – 2,72%. Монополярный « <i>Деперсонализация</i> »	Вес – 2,55%. Биполярный «Неэтичность при слабом волевом контроле»	
16	Вес – 2,28%. Биполярный – « <i>Редукция профессиональных обязанностей</i> »	Не выявлен	

Экстрапунитивность (агрессивность и обвинительный уклон) учителей может быть следствием недостатка контроля, проявлением сниженной критичности и низкой стрессоустойчивости. При этом у вра-

чей выявлены толерантность, духовность, стремление к сотрудничеству, а также поиск социальной поддержки и упорство в разрешении ситуаций фрустрации как проявления резистентности к стрессу.

Возможно, что выявленные у учителей деперсонализация (отчуждение от себя и/или других, разотождествление собственных мыслей и действий) и редукция профессиональных обязанностей связаны с состояниями истощения и протрации (с англ. prostration – изнеможение, беспомощность) как симптомами выгорания, при этом гиперобщительность может выступать компенсаторным механизмом, маскирующим депрессивную симптоматику. Наряду с девиативными чертами личностный профиль учителей включает эмпатию как социально одобряемое качество, а также перфекционизм и трудоголизм как маргинальные проявления вследствие неоднозначного отношения к ним социума.

Среди врачей следует отметить аутодеструктивные тенденции, а также такие социально неодобряемые качества, как «Пренебрежение нормами на фоне пессимизма» и «Неэтичность при слабом волевом контроле», что свидетельствует о дисгармонии характера и склонности к нарушению деонтологических норм. К тому же, фактор «Конформизм» может говорить о деиндивидуализации сознания человека, игнорирующего собственную точку зрения, стремящегося быть «как все», не обладающего преобразующим потенциалом, что является поведенческим и концептуальным антагонистом профессиональной идентичности. Такую личностную позицию Е.П. Ермолаева относит к ментальному маргинализму, опасному в социально-значимых профессиях, так как ригидность специалистов при формально-конформистском принятии профессиональных ценностей ведет к имитации профессиональной деятельности [1].

Итак, факторный анализ позволил выявить у испытуемых специалистов склонность к отклонениям аутодеструктивной и внешнедеструктивной направленности, а также девиативные тенденции, которые в ситуации фрустрации и/или на фоне хронического стресса могут predispose к возникновению девиаций разной направленности: от социально нейтральных до социально неодобряемых [3].

«Усредненный» портрет типичного современного учителя и врача со стажем включает не соответствующие деонтологическому статусу девиативные тенденции, среди которых – склонность специалистов к тем или иным отклонениям от личностно-профессиональной нормы, личностно-профессиональные деструкции, патохарактерологические черты, симптомы психопатологии и дезадаптации (на психосоматическом и личностно-профессиональном уровне) как свойства «ущербной», девиантной личности.

К *личностным девиациям учителей* могут predispose ригидность

и снижение критичности; к *функциональным* – редукция профессиональных обязанностей; к *поведенческо-коммуникативным* – эстрапунитивность, утрированный педантизм, деперсонализация, гиперобщительность и циклоидность, проявляющаяся в перепадах настроения и эмоциональной неустойчивости в общении.

К *личностным девиациям врачей* могут predispose аутодеструктивные тенденции и пренебрежение нормами на фоне пессимизма, к *функциональным* – сниженная мотивация к деятельности; к *поведенческо-коммуникативным* – неэтичность при недостатке волевого контроля, утрированный педантизм и гиперобщительность. В сравнении с учителями девиации врачей могут отличаться большей деструктивностью из-за пренебрежения нормами, неэтичности и сниженной мотивации. Однако превенции девиаций могут способствовать такие профессионально важные качества, как духовность и толерантность, упорство в разрешении ситуаций фрустрации, стремление к сотрудничеству и поиск социальной поддержки как стратегии продуктивного копинга.

Следует особо подчеркнуть, что ситуация хронического стресса, нанося удары по местам «наименьшего сопротивления», деформирует личность и истощает копинг-ресурсы. Не случайно Л.В. Трубицина подчеркивает, что перманентный эго-стресс переходит в кризис идентичности личности с низкоадаптивными стратегиями совладания [7, с. 86], наступает коллапс «Я-концепции», наблюдается весь спектр дезадаптации – от изменений психологических состояний до расстройства приспособительных реакций и поведения, в результате чего в первую очередь страдает контроль агрессивности и нарушается цикл сна [7, с. 96]. Это благоприятствует дальнейшему развитию психопатологии и переходу девиантности с латентного на манифестный уровень. Таким образом, дистресс провоцирует девиации специалистов, которые могут выступать неадекватной формой купирования личностно-профессионального стресса.

В. Д. Менделевич и Б. С. Положий считают, что интолерантность и защитно-агрессивное поведение по отношению к субъектам профессиональной деятельности связаны с *диссоциальным вариантом кризиса идентичности* [4, с. 143–144], который может быть присущ учителям. Аутодеструктивные тенденции врачей и пренебрежение нормами на фоне пессимизма могут быть обусловлены *негативистическим вариантом кризиса идентичности*; он проявляется в скептически-пессимистической

оценке происходящего, в уклонении от продуктивной активности с декларацией безрезультатности деятельности, в недовольстве, упрямстве и нигилизме, препятствующем ответственному поведению. Поскольку сверхконформизм представителей несоциально-экономических профессий характеризуется позицией жертвы внешних обстоятельств, отрицающей симптомы дистресса и неспособной изменить существующий порядок вещей, это может свидетельствовать об **аномическом варианте кризиса идентичности**, формирующемся под давлением насаждаемых норм. Подобная «выученная беспомощность» может препятствовать социальной активности, позитивным самоизменениям и личностно-профессиональному росту. Преодоление кризиса идентичности связано со способностью осознавать, обобщать и интегрировать личный и социальный опыт, включая профессиональный [8]. Обретение профессиональной идентичности происходит в процессе ее формирования в процессе обучения, а ее коррекция психологическими средствами возможна в системе повышения квалификации специалистов. Это будет способствовать профилактике девиантности в профессии как объективного явления, негативные эффекты которого могут быть элиминированы посредством адаптации персонала, социализации, обучения и развития с помощью технологий тренинга, коучинга, психотерапии и некоторых форм супервизии.

Список литературы

1. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда (статья вторая) // Психологический журнал. – 2001. – № 5. – С. 69–78.
2. Змановская Е.В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход: дис. ... д-ра псих. наук. – СПб., 2006. – 450 с.
3. Майсак Н.В. Матрица социальных девиаций: классификация типов и видов девиантного поведения // Современные проблемы науки и образования. – 2010. – № 4 – С. 78–86. – URL: www.science-education.ru/92-4505 (дата обращения: 29.07.2013).
4. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебн. пособ. – М.: МЕДпресс, 2001. – 432 с.
5. Мудрик А.В. Человек – объект, субъект и жертва социализации // Известия Российской академии образования. – 2008. – № 1(8). – С. 48–57.
6. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
7. Трубицина Л.В. Процесс травмы. – М.: Смысл; ЧеРо, 2005. – 218 с.
8. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2001. – 42 с.
9. Appelbaum S.H., Iaconi G.D., Matousek A. Positive and negative deviant workplace behaviors: causes, impact and solutions // Corporate Governance, 2007, vol. 7, no. 5, pp. 586–598.
10. Appelbaum S.H., Kyle J. The relationship of ethical climate to deviant workplace behavior // Corporate Governance, 2005, vol. 5, no. 4. // URL: <http://www.appelbaumconsultants.com/articles/2005-06/relationship.PDF> (Дата обращения: 10.04.2012).
11. Bolin A., Heatherly L. Predictors of Employee Deviance: The Relationship Between Bad Attitudes and Bad Behavior // Journal of Business and Psychology, 2001, vol. 15, no. 3, pp. 405–418.
12. Crawshaw J., Cropanzano R., Bell C., Nadisic T. Organizational justice and behavioural ethics: New perspectives

on workplace fairness // URL: http://www.tavinsstitute.org/humanrelations/special_issues/org_justice.html (Дата обращения: 12.08.2011).

13. Garry C.G. The Regulation of Corporate Violations: Punishment, Compliance, and the Blurring of Responsibility // British Journal of Criminology, September 2006, vol. 46, pp. 875–892.
14. Hinduja S. Occupational Stressors and Antinormative Behavior // Security Journal, 2009, vol. 22, no. 4, pp. 269–285.
15. Muafi P. Causes and Consequence Deviant Workplace Behavior // International Journal of Innovation, Management and Technology, 2011, vol. 2, issue 2, pp. 123–126.
16. Robinson S.L., Bennis R.J. A Typology of Deviant Workplace Behaviors: A Multidimensional Scaling Study // The Academy of Management Journal, 1995, vol. 38, no. 2, April, pp. 555–573.

References

1. Ermolaeva E.P. Psihologija profesional'nogo marginala v social'no znachimyh vidah truda (stat'ja vtoraja) // Psihologicheskiy zhurnal. 2001. no. 5. pp. 69–78.
2. Zmanovskaja E.V. Psihologija deviantnogo povedenija: strukturno-dinamicheskiy podhod: Dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 2006. 450 p.
3. Maysak N.V. Matrica social'nyh deviacij: klassifikacija tipov i vidov deviantnogo povedenija // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2010. no. 4 pp. 78–86. Available at: URL: www.science-education.ru/92-4505 (accessed 29 July 2013).
4. Mendelevich V.D. Psihologija deviantnogo povedenija: Uchebn. posob. M.: MEDpress, 2001. 432 s.
5. Mudrik A.V. Chelovek obekt, subekt i zherstva socializacii // Izvestija Rossijskoj akademii obrazovanija. 2008. no. 1(8). pp. 48–57.
6. Tarabrina N.V. Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa. SPb.: Piter, 2001. 272 p.
7. Trubicina L.V. Process travmy. M.: Smysl; CheRo, 2005. 218 p.
8. Shnejder L.B. Professional'naja identichnost': struktura, genezis i usloviya stanovlenija: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2001. 42 p.
9. Appelbaum S.H., Iaconi G. D., Matousek A. Positive and negative deviant workplace behaviors: causes, impact and solutions // Corporate Governance, 2007, vol. 7, no. 5, pp. 586–598.
10. Appelbaum S.H., Kyle J. The relationship of ethical climate to deviant workplace behavior // Corporate Governance, 2005, vol. 5, no. 4. Available at: URL: <http://www.appelbaumconsultants.com/articles/2005-06/relationship.PDF> (accessed 10 April 2012).
11. Bolin A., Heatherly L. Predictors of Employee Deviance: The Relationship Between Bad Attitudes and Bad Behavior // Journal of Business and Psychology, 2001, vol. 15, no. 3, pp. 405–418.
12. Crawshaw J., Cropanzano R., Bell C., Nadisic T. Organizational justice and behavioural ethics: New perspectives on workplace fairness Available at: URL: http://www.tavinsstitute.org/humanrelations/special_issues/org_justice.html (accessed 12 August 2011).
13. Garry C.G. The Regulation of Corporate Violations: Punishment, Compliance, and the Blurring of Responsibility // British Journal of Criminology, September 2006, vol. 46, pp. 875–892.
14. Hinduja S. Occupational Stressors and Antinormative Behavior // Security Journal, 2009, vol. 22, no. 4, pp. 269–285.
15. Muafi P. Causes and Consequence Deviant Workplace Behavior // International Journal of Innovation, Management and Technology, 2011, vol. 2, issue 2, pp. 123–126.
16. Robinson S.L., Bennis R.J. A Typology of Deviant Workplace Behaviors: A Multidimensional Scaling Study // The Academy of Management Journal, 1995, vol. 38, no. 2, April, pp. 555–573.

Рецензенты:

Приленский Б.Ю., д.м.н., профессор, заведующий кафедрой медицинской психологии и психотерапии Тюменской государственной медицинской академии, г. Тюмень;
 Голенков А.В., д.м.н., профессор, заведующий кафедрой психиатрии и медицинской психологии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.

Работа поступила в редакцию 03.09.2013.